

Очерк 12

Условия труда, непосредственно влияющие на здоровье работника.

Парадоксы производственного травматизма и экологии

12.1. Широкая распространенность работы во вредных и неблагоприятных условиях в сочетании с уменьшением травматизма и облегчением экологических тягот

Подобно сдвигам в рабочем времени, противоречивостью и своего рода неопределенностью отличались в 90-е гг. социальные итоги изменения также и других условий труда. В связи с положением народного большинства первостепенную важность имеет неоднозначный баланс улучшений и ухудшений тех из них, которые определяют санитарно-гигиеническую обстановку на предприятиях, распространенность тяжелого труда, его вредность, опасность, производственный травматизм, то есть непосредственно влияют на здоровье работников.

Формальное сопоставление данных государственной статистики по этому кругу условий труда (относящихся, надо оговориться, только к крупным и средним предприятиям), как и сравнение сокращений и приращений рабочего времени, показывает сопоставимость «хороших» и «плохих» показателей, а кое-где и преобладание «хороших»¹. Так, во многих секторах материального производства в 1990-1999 гг. заметно снизился удельный вес работников, занятых в условиях труда, официально признаваемых неблагоприятными. В строительстве он уменьшился с 37-38% до 30-31 %, на транспорте — с 45-46% до 39-40%, на предприятиях связи — с 24-25% до 12-13%. Однако в самой большой народнохозяйственной отрасли, промышленности, где сосредоточено чуть ли не втрое больше людей, чем в строительстве, на транспорте и в связи (вместе), доля работающих в неблагоприятных условиях труда почти не сократилась: в 1990-1991 — 44-45% всех занятых на крупных и средних промышленных предприятиях, в 1997-1999 гг. — 43 % (см. табл. 12.1).

Таблица 12.1

Удельный вес работников, занятых во вредных и опасных условиях труда
(в % к численности занятых на крупных и средних предприятиях соответствующих отраслей в указанном году)

Годы	Все работающие во вредных и опасных условиях*				Из них** работающие и занятые											
					в условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим нормам				тяжелым и физическим трудом				на оборудовании, не отвечающем требованиям безопасности			
	про-мыш-лен-ность	стро-итель-ство	ранс-порт	связь	про-мыш-лен-ность	стро-итель-ство	ранс-порт	связь	про-мыш-лен-ность	стро-итель-ство	транс-порт	связь	про-мыш-лен-ность	стро-итель-ство	транс-порт	связь
1990	43,8	37,1	45,6		17,8	6,9	7,8		2,7	2,8	1,1					
1991	44,9	37,2	43,6	24,4	21,4	8,5	10,2	5,9	2,8	3,0	1,5	0,3	1,8	0,4	0,9	0,2
1992	42,4	28,3	38,7	15,1	21,4	7,9	10,5	3,9	2,7	2,8	1,0	0,2	1,5	0,3	0,5	0,1
1993	45,3	29,5	41,1	14,2	21,6	8,6	11,4	3,5	2,9	3,3	1,1	0,3	1,1	0,3	0,4	не-
1994	42,8	27,0	38,5	12,8	21,4	8,7	11,0	3,4	2,7	3,6	1,0	0,2	1,0	0,2	0,4	зна-
1995	42,3	27,1	37,9	13,1	21,2	8,9	10,0	3,2	2,7	3,8	1,0	0,2	0,7	0,2	0,2	чи-
1996	42,8	29,3	38,5	13,0	21,3	9,6	9,8	3,4	2,7	3,8	1,0	0,4	0,6	0,2	0,2	тель-
1997	42,8	30,0	39,4	13,1	21,2	9,7	10,2	3,0	2,8	3,9	0,9	0,4	0,6	0,2	0,2	но
1998	42,6	30,6	38,9	12,6	21,4	9,9	10,0	2,8	2,9	4,2	1,0	0,3	0,5	0,2	0,1	
1999	42,9	31,3	39,8	12,0	21,3	9,9	11,2	2,5	3,0	4,2	1,6	0,2	0,5	0,1	0,1	

* Совокупность работников, которым установлена одна или несколько льгот и/или компенсаций за работу во вредных или опасных условиях труда.

** Строго говоря, здесь могут учитываться работники, которым не установлена ни одна льгота и о которых нельзя сказать, что они входят в категорию «их них» в отношении всех работающих во вредных и опасных условиях; однако их число крайне невелико.

Источник: Российский статистический ежегодник. 1999. М.: Госкомиздат России, 1999. С. 135-136; Условия труда работающих и производственный травматизм на предприятиях и в организациях. Статистический бюлл. М., 2000. № 7 (70). С. 79.

Вообще-то, снижение суммарных показателей числа работающих в неблагоприятных условиях даже тогда, когда оно имеет существенный масштаб, отнюдь не обязательно отражает реальный сдвиг в отношении занятых в нормальных и неблагоприятных условиях труда. Показатели эти свидетельствуют о числе людей, которым установлены какие-либо льготы и компенсации за работу в неблагоприятных условиях труда, такие как дополнительные отпуска, сокращенный рабочий день, бесплатное получение молока, доплаты, право на льготную пенсию и т. п.² В условиях тяжкого кризиса, переживавшегося российской экономикой в 90-е гг., сокращение числа получателей таких льгот и компенсаций далеко не всегда являлось следствием улучшения условий труда или хотя бы свертывания работ, требующих дополнительных затрат, связанных с трудом. Достаточно часто льготы и компенсации под тем или иным предлогом просто отменялись, хотя в производственной обстановке ничего не менялось. В этом смысле показательнее сведения о числе и доле работников, трудившихся в условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим нормам, занятых тяжелым физическим трудом, работавших на оборудовании, не соответствующем требованиям безопасности.

Такие сведения получаются в результате аттестации рабочих мест и помещений по уровню шума, загрязненности, загазованности, запыленности, вибрации, вредных излучений, весу тяжестей, которые приходится поднимать и перемещать в течение рабочего дня, соответствия оборудования стандартам безопасности и т. п. Они имеют сравнительно объективный характер и потому надежнее отражают действительное изменение условий труда, непосредственно воздействующих на здоровье работников. Увы, по данным аттестации рабочих мест, соотношение улучшений и ухудшений в 1990-1999 гг. получается весьма неопределенным (см. табл. 12.1).

Касательно работы в плохих санитарно-гигиенических условиях, явное уменьшение доли находящихся в таком положении произошло в 90-е гг. только на предприятиях связи, где она, впрочем, и раньше была не слишком значительной. Здесь эта доля снизилась приблизительно с 6 % до 3 %. В промышленности и на транспорте удельный вес работников, занятых в условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим нормам, либо не изменился, либо даже возрос, составив соответственно 18-21 % и 8-10% в начале 90-х гг., 21 % и 10% в конце. Скорее, все-таки, не изменился, так как в обоих случаях весь прирост приходится на сдвиг между концом 1990 и концом 1991 гг.³, в остальные же годы показатели практически не менялись. По-видимому, здесь имели место какие-то методические изменения, связанные с исчезновением общесоюзных органов госстатистики.

Однако в отдельных отраслях, в особенности там, где плохие санитарно-гигиенические условия имеют повышенную распространенность и где их устранение требует огромных затрат, доля занятых в таких условиях оставалась в 90-е гг. непомерно большой, и что еще хуже — возросла за это десятилетие. В угольной промышленности, например, удельный вес горняков, работающих в условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим нормам, поднялся приблизительно с 35-40 % в 1990-1992 гг. до 43-46% в 1996-1998 гг.⁴ Явно более распространенной стала необходимость работать в плохих санитарно-гигиенических условиях в металлургии и строительстве⁵. В строительстве, правда, при одинаковой тенденции абсолютная величина доли занятых в таких условиях не идет в сравнение с тем, что характерно для угольной отрасли или металлургии. В 1990-1991 гг. не соответствовали санитарно-гигиеническим нормам рабочие места 7-8% строителей, в 1997-1999 гг. — 10%.

Ту же картину очень малых сдвигов или их отсутствия рисуют те надежные показатели условий труда, в которых выражается доля физически тяжелых работ. В промышленности и на транспорте процент занятых на подобных работах в течение всего рассматриваемого десятилетия оставался практически неизменным, равняясь, соответственно, 3 % и 1 %; в строительстве он за это время возрос с 3 % до 4 %; на предприятиях связи уменьшился, но здесь его общая величина так мала (менее 1 %), что любые перемены тут мало что меняют в целом.

Действительно позитивные сдвиги, судя по данным об аттестации рабочих мест, касаются труда на оборудовании, не отвечающем требованиям безопасности. Доля вынужденных работать, используя опасные механизмы, аппараты, установки, уменьшилась за 1990-1999 гг. во всех основных секторах материального производства — в промышленности с 1,8 до 0,5 %, на транспорте — с 0,9 до 0,1 %, в строительстве с 0,4 до 0,2 %; на предприятиях связи опасное оборудование практически исчезло. Понятно, что в данном случае то обстоятельство, что улучшения непосредственно затрагивают 1 % занятых или еще меньше, не меняет чрезвычайную важность происшедших перемен (увы, как будет показано дальше, очень непрочных и не имеющих здоровой перспективы). Дело здесь идет о прямой угрозе увечья или гибели людей, а не о физической тяжести труда, упоминавшейся раньше, когда говорилось о незначимости однопроцентных величин. Наличие физической опасности на одном-двух процентах рабочих мест представляет собой для современного общества не малую, но как раз нетерпимо большую величину; уменьшение ее вдвое-втрое есть очевидное (хотя в 90-е гг., похоже, временное) улучшение производственной обстановки.

Еще существеннее, что рядом с сокращением доли потенциально опасных рабочих мест (и отчасти по этой причине) в России произ-

Таблица 12.2

Производственный травматизм

Годы	Число пострадавших при несчастных случаях на производстве, повлекших временную потерю трудоспособности (не менее, чем на 1 день), постоянную инвалидность или смерть		Из них: число пострадавших при несчастных случаях на производстве со смертельным исходом	
	всего тыс. чел.	в расчете на 1 000 работающих	всего тыс. чел.	в расчете на 1 000 работающих
1980	570	8,4	12,3	0,183
1985	456	6,6	9,8	0,142
1990	432	6,6	8,4	0,129
1991	406	6,5	8,0	0,128
1992	364	6,2	7,7	0,131
1993	343	6,3	7,6	0,139
1994	300	5,9	6,8	0,133
1995	271	5,5	6,8	0,138
1996	213	6,1	5,4	0,155
1997	185	5,8	4,7	0,148
1998	158	5,3	4,3	0,142
1999	153	5,2	4,3	0,144

Источник: Российский стат. ежегодник. 1999. С. 137; Россия в цифрах. 2000. С. 90.

ходило реальное снижение абсолютных масштабов и относительного уровня производственного травматизма (см. табл. 12.2)

Если в начале 90-х гг. производственные травмы регистрировались у 400-430 тыс. работников крупных и средних предприятий, или почти у 0,7% всех занятых здесь трудящихся, то в конце десятилетия эти показатели составили 150-160 тыс. и 0,5-0,6%. Такое уменьшение травматизма далеко обгоняет прогресс предшествующего десятилетия. Несколько медленнее, но тоже заметно уменьшались в 90-е гг. самые ужасные проявления производственного травматизма — гибель людей на производстве. В 1990-1991 гг. ежегодно регистрировалась смерть от несчастных случаев и аварий на производстве 8-8,5 тыс. чел. в год, в 1997-1998 гг. — 4-5 тыс. чел. Подобное уменьшение, будучи великим благом, оказалось все-таки (в отличие от динамики более легких травм) недостаточным, чтобы понизилась относительная распространенность аварий, катастроф и иных несчастных случаев со смертельным исходом. Число смертей на производстве в расчете на 1 000 занятых

в первой половине рассматриваемого десятилетия колебалось вокруг одних и тех же цифр, а во второй его половине — скорее даже увеличивалось.

Своего рода продолжением условий труда многих работников промышленности является среда обитания в городах и поселках, где они живут. Чаще всего так бывает в тех индустриальных центрах, где экология в решающей мере определяется выбросами и загрязняющими эффектами расположенных здесь металлургических, химических, целлюлозно-бумажных предприятий. Загрязненность воздуха и воды в Новокузнецке, Магнитогорске, Липецке, Омске, Нижнем Тагиле, Красноярске в несколько раз выше, чем в среднем по городам России⁶. Естественно, что на этих предприятиях повышенной доле работников приходится трудиться во вредных и опасных условиях. В конечном счете в необходимости работать в обстановке, не отвечающей санитарно-гигиеническим нормам, и жить в поселках, где воздух насыщен вредными выбросами, выступают разные следствия одних и тех же причин. Тем важнее, что, подобно травматизму, на протяжении 90-х гг. выбросы загрязняющих веществ в атмосферу упомянутых промышленных городов уменьшились к концу 90-х гг. в 1,5-2 раза сравнительно с началом десятилетия⁷. Конечно, и сейчас экономическая обстановка в этих городах гораздо хуже, чем в остальных. Но все же сейчас она не так плоха, как в прошлом.

12.2. Баланс «плохих» и «хороших» перемен в состоянии условий труда, влияющих на здоровье работников. Парадоксальная природа улучшения. Опасность нового роста травматизма

В общем, на протяжении 90-х гг. изменение санитарно-гигиенических условий труда, его физической тяжести и опасности, связанной с производством экологической обстановки, как и движение условий труда, связанных с продолжительностью рабочего дня, выходных, отпусков, представляли собой соединение разнонаправленных процессов. Однако разнонаправленность эволюции двух этих составляющих условий труда — пропорций рабочего/нерабочего времени и тяжести, вредности, опасности работы — очень неодинаково сказывались на положении работников. При том, что некоторые перемены в производственной среде, прежде всего те, которые привели к абсолютному уменьшению смертей и трудовых увечий, по своей непосредственной значимости несравнимы ни с какими другими изменениями, общее соотношение улучшений и ухудшений санитарно-гигиенических условий, тяжести,

безопасности труда, происшедших в 90-е гг., имеют в долговременной перспективе менее благоприятный для работников характер, нежели соотношение «хороших» и «плохих» подвижек в сфере рабочего времени. В этой связи следует, в первую очередь, помнить, что безопасность (вернее, опасность) и тяжесть труда, его соответствие современным санитарно-гигиеническим нормам и до начала нынешних трансформаций находились у нас на крайне низком уровне, далеко уступая в этом смысле большинству других развитых индустриальных стран (тогда как рабочее время у нас отнюдь не отличалось чрезмерной продолжительностью; скорее уж стоит говорить о его экономически неоправданном сокращении). Поэтому и после тех «хороших» сдвигов в области безопасности, вредности, тяжести производства, которые произошли в России 90-х гг. (не говоря уже о «плохих»), наши условия труда в части безопасности, вредности, тяжести остались достаточно неблагоприятными. К концу десятилетия почти половина занятых в российской промышленности мужчин и треть женщин (свыше 49 % и 33 % по данным 1997-1998 гг.) трудились во вредных и опасных условиях, в том числе больше четверти мужчин и свыше седьмой части женщин — в опасной или не отвечающей санитарно-гигиеническим нормам производственной среде (27 % и 15 %)⁸. Еще ужаснее, что за 1990-1998 гг. на крупных и средних предприятиях, только по официальным данным, примерно 2,7 млн человек пострадало от производственных травм, в том числе 56 тыс. погибло⁹. Конечно, до этого, в 70-80-е гг. увечий и смертей было еще больше, и то, что тысячи людей не лишились жизни и не были травмированы, есть несомненное благо. Но и нынешний уровень производственного травматизма означает, что на протяжении нормальной сорокалетней трудовой жизни на работе может пострадать чуть ли не каждый четвертый трудящийся, а один из двухсот вообще может погибнуть во время аварии или несчастного случая¹⁰.

Будем надеяться, что ситуация улучшится и эти расчеты останутся статистическими предположениями. Тем не менее и то, что уже случилось, свидетельствует, что в России 90-х гг., как и в СССР 70-80-х, во время обычного труда лишались жизни в несколько раз больше мирных мужчин и женщин, чем гибли военнослужащих в вооруженных конфликтах, в которых участвовали СССР и Россия в те десятилетия. Напомним, что в Афганистане в 1979-1989 гг. безвозвратные людские потери составили около 13 тыс. офицеров и солдат, а на производстве произошло свыше 100 тыс. несчастных случаев со смертельным исходом. Точно так же в чеченских кампаниях 1994-1996 и 1999-2000 гг., равно как и в других «горячих точках» было убито около 10 тыс. военнослужащих и милиционеров, тогда как на производстве — 55—60 тыс. работников". А ведь далеко не все производственные травмы (в том

числе во смертельном исходе) учитываются государственной статистикой. По оценкам профсоюзов, ежегодно не регистрируются десятки тысяч травм, включая десятки и даже сотни смертельных случаев¹². Тот факт, что раньше опасность труда в нашей стране была еще более высокой, служит тут очень слабым утешением.

Еще одна особенность соотношения «хороших» и «плохих» перемен в сфере санитарно-гигиенических условий труда и его безопасности заставляет считать конечный итог такого соотношения менее благоприятным для рядовых трудящихся сравнительно с суммарным результатом противоречивых сдвигов в рабочем времени и процессах трудоустройства, которых мы касались ранее. В 90-е гг., с точки зрения положения рядовых людей, рабочее время, трудоустройство, структура занятости, как и условия безопасности труда, менялись и в сторону обретений, и в сторону потерь. Потерь иной раз бывало больше. Но то, что сдвигалось к лучшему, обычно открывало возможность (или хотя бы вероятность) долговременных улучшений.

Позитивный смысл возросшей в период трансформаций готовности большинства работников больше трудиться ради достойного заработка, равно как и улучшающее влияние конкуренции вне рабочего времени, сохранятся и дальше, когда (и если) спад сменится здоровым социально-экономическим развитием. Завтра, как и сегодня, эти сдвиги будут благотворно воздействовать на положение трудящихся в производстве. Точно так же экономический подъем может сочетаться с продолжением тех прогрессивных перемен в структуре занятости, которые, несмотря на их вынужденный характер, столь заметно ускорились в 90-е гг. Тем более вероятен дальнейший рост профсоюзов и солидарностного сознания (при том условии, конечно, что общество останется хотя бы полудемократическим).

Между тем, сдвиги, затронувшие в 90-е гг. тяжесть, вредность, опасность труда и экологическую загрязненность центров концентрации работников, будут, скорее всего, играть совершенно иную роль в дальнейшей эволюции условий жизни российского народного большинства. То есть «плохие» перемены в этих условиях труда так же безусловно ухудшают и будут ухудшать положение трудящихся, как и негативные изменения прочих сторон производственной обстановки. Но как раз нынешние улучшения в области безопасности и экологии промышленных центров по длительности, характеру, общей перспективе своих воздействий решительно отличаются почти от всех «хороших» тенденций, рассматривавшихся нами ранее. В противоположность последним, то в части безопасности труда и экологии, что стало лучше в 90-е гг., базируется на зыбком, непрочном фундаменте, не совместимом с ростом экономики и научно-техническим прогрессом. Добиваться устойчивого

повышения безопасности и безвредности условий труда, улучшения его экологии придется на совершенно иных основаниях, нежели те, что в последнее десятилетие привели у нас к кое-каким «хорошим» переменам этого рода.

Парадоксальная ситуация с уменьшением травматизма и вредности труда, уменьшением загрязнения воздушных бассейнов многих производственных центров вытекает из природы причин, которые обусловили подобные улучшения в России конца XX в. Действительно устойчивое и здоровое совершенствование безопасности и экологии производственной среды достигается, когда в обществе активно взаимодействуют способствующие такому совершенствованию социально-экономические и общественно-политические факторы. Экономически — необходимо, чтобы предприятия и государство постоянно выделяли средства, достаточные для поддержания и обновления техники безопасности для контроля за условиями труда и проведения экологических мер. Социально-политически — нужны активные профсоюзов и общественности, равно как и соответствующая ориентация власти и массового сознания.

В конкретно-исторической ситуации России 90-х гг. спад производства, трудности реструктуризации предприятий (в том числе и вследствие «обмена» безработицы на избыточную занятость), слабость государства сделали возможности выделения средств для поддержания безопасности и экологии производства крайне ограниченными. Уже в первой половине 90-х гг. (1990-1996 гг.) реальные расходы на охрану труда уменьшились в расчете на одного работающего вдвое-втрое, а то и вчетверо. (Номинально расходы этого рода увеличились в упомянутые годы с 80 до 300 000 неденоминированных рублей, т. е. в 3 600 раз; но цены на промышленную продукцию и строительство поднялись в те годы, считая округленно, в 8 000-10 000 раз¹³.) Та же тенденция действовала и во второй половине десятилетия.

Профсоюзы, несомненно, стали в 90-е гг. несравнимо более независимыми, нежели в советские времена. Однако именно в отношении санитарно-гигиенических условий и безопасности труда разница ощущалась слабее всего. Во-первых, условия труда довольно хорошо контролировались профсоюзами и в советские времена (хотя они делали это скорее как государственные, а не свободные общественные организации). Но с точки зрения соблюдения норм безопасности это различие не слишком важно. Во-вторых, катастрофическое падение зарплаток заставило профсоюзы в 90-е гг. сосредотачивать свои усилия почти исключительно на вопросах оплаты труда и занятости. Как заметил во время специального обследования 1997 г. руководитель профсоюза на одной из кузбасских шахт, низкая зарплата и невыплаты «все

отодвигают на задний план, в том числе условия труда»¹⁴. Кстати, относительное «невнимание» к условиям труда нередко проявлялось тем заметнее, чем отчетливее тот или иной профсоюз и профсоюзный деятель были ориентированы на связь с членами своей организации, ибо такая позиция полностью отражала настроения рядовых работников. Наконец, в-третьих, даже самым свободным и решительным профсоюзным вожакам приходилось считаться с объективным отсутствием средств на предприятиях. В том же обследовании председатель профкома другой шахты (в российском Донбассе), человек, вообще говоря, хорошо понимающий первостепенное значение безопасности в угольной отрасли, сообщил, что профсоюз выделил специального уполномоченного по охране труда, тот активно работает, «вся книга /проверок/ испещрена его замечаниями. Но ничего не делается, нет средств»¹⁵.

Среди общественных образований, чья деятельность хотя бы отчасти могла влиять на безопасность труда и здоровое состояние его условий, несколько большей активностью отличались в 90-е гг. некоторые экологические движения. Здесь, по-видимому, сказались как высокая идейность, подчас фанатичность «зеленых», так и то обстоятельство, что их требования зачастую направлены по преимуществу на закрытие производств истроек, запрещение определенных видов деятельности и достижение других подобных целей, не требующих, по крайней мере в первый момент, практически никаких дополнительных затрат. В целом, однако, активность отдельных экологических организаций, косвенно касающаяся производственной обстановки и иной раз довольно-таки безответственная, не устраняла общей ограниченности сил общественности в ее возможном воздействии на охрану труда.

Короче, в России 90-х гг. не было ни экономических, ни социально-политических условий для серьезного повышения безопасности работников на производстве и улучшения производственной среды. И если, тем не менее, травматизм в рассматриваемое время все-таки сократился, а отравление воздушных бассейнов во многих промышленных центрах уменьшилось, то произошли эти улучшения вследствие специфического стечения обстоятельств, большинство которых никак не связаны с действительно здоровым развитием общества. Главной причиной подобных улучшений явилось громадное ухудшение экономического положения страны, тот факт, что промышленная, транспортная, строительная активность за десятилетие сжалась едва ли не наполовину. В этом отношении снижение травматизма заметно отличается от большинства остальных «хороших» перемен в народной жизни 90-х гг. Эти последние обычно вызываются преодолением госсocialизма и началом перехода к рынку и демократии (тогда как

«плохие» изменения проистекают из кризиса такого перехода). Меньший травматизм — одно из редкостных условно позитивных следствий переходного кризиса.

Ограничение травматизма, благодаря экономическому спаду, достигалось как сознательно, так и стихийно. Сознательный подход, выражавшийся в планомерном первоочередном закрытии наиболее отсталых и опасных участков сокращающегося производства, использовался, к сожалению, весьма редко. Наиболее серьезный пример этого рода в 90-е гг. дает угольная промышленность, на долю которой приходится, правда, значительная часть индустриальных смертей и увечий. С 1993 г. правительство России при поддержке Мирового банка проводит реструктуризацию отрасли. В ходе реструктуризации была прекращена добыча угля на нескольких десятках неперспективных и нерентабельных шахт, где, помимо всего прочего, преобладало устаревшее оборудование и несчастные случаи бывали особенно часты.

В большинстве же отраслей ликвидация тех или иных предприятий в процессе кризиса или понижение интенсивности и продолжительности труда на них происходили отнюдь не из-за того, что общество и капитал стремились избавиться от очагов травматизма или плохих условий труда. Тем не менее, и такое стихийно-кризисное ограничение интенсивности производства в какой-то степени и на какое-то время сдерживает травматизм. Ибо когда люди работают меньше и медленнее, когда труд меньшего числа работников связан с машинами и механизмами, тогда (при прочих равных) число несчастных случаев статистически оказывается меньше, чем бывает в иных условиях¹⁶. Кстати, именно вследствие того, что сокращение травматизма в России 90-х гг. было побочным результатом уменьшения продолжительности и интенсивности работы (а не специальных усилий по улучшению охраны труда), это сокращение в наименьшей степени коснулось самых тяжелых, смертных травм. Точно так же именно простой спад производства в крупнейших центрах металлургии и химии сделал воздух в них несколько более чистым.

Не устанем повторять, что всякое сокращение несчастных случаев и смертей на производстве — независимо от причин — улучшает немаловажные стороны положения трудящихся. Но вместе с тем кризис, сверх того, что он одновременно ухудшает другие жизненные обстоятельства, будучи главной причиной смягчения травматизма, ограничивает действие этого смягчения только тем периодом, в течение которого длится спад или стагнация экономики. Начало экономического подъема, столь необходимого стране и каждому ее обитателю, естественно возвратит производство к нормальной докризисной или даже более

высокой интенсивности. Если при этом не удастся задействовать дополнительные факторы улучшения охраны труда, параллельно с восстановлением прежней интенсивности работ произойдет и восстановление примерно того уровня травматизма, который существовал в докризисной ситуации. Понятно, что то же самое случится с экологическими последствиями спада производства в 90-е гг.

К тому же есть немалая вероятность, что состояние безопасности труда, по мере исчерпания облегчающих моментов, связанных с низкой производственной активностью, окажется даже более плохим, чем было до начала кризиса 90-х гг. Наряду с «травматогенным» действием восстанавливающейся интенсивности производства нам придется столкнуться с влиянием некоторых социально-психологических факторов, сформировавшихся именно в последнее десятилетие под влиянием обстановки, типичной для условий экономического спада. Тяжелая ситуация 90-х гг. и катастрофическое падение оплаты труда вынуждали многих работников использовать любую возможность повышения заработка. Подобное стремление развивает ряд здоровых черт трудовой психологии. Но зачастую поиск возможностей увеличить заработок выливается в готовность пренебрегать безопасностью труда. При этом в трудных обстоятельствах игнорировать безопасность иной раз соглашаются зрелые люди, в обычных условиях несколько не склонные к безответственным действиям. Испытывая ответственность перед близкими, люди этого типа, когда их семья попадает в трудное положение, чаще других соглашаются на опасную работу, коль скоро она обещает высокую оплату. Авторитет, которым обычно пользуются подобные люди, превращает их действия в пример для остальных.

Кроме того, кризисное состояние российского общества в 90-е гг. вызвало снижение трудовой морали, падение дисциплины и порядка. Пьянство, и раньше составлявшее бедствие нашей повседневной жизни, получило еще большее распространение и широко проникло на производство. Как заметил в одном из выступлений в 1998 г. руководитель Российской трудовой инспекции В. Варов, «пьянка на рабочих местах» стала у нас чуть ли не обычным делом. Ужасно, что подобное поведение входит в привычку, превращается в своего рода лихачество, в дурную традицию оправдания любого, даже самого неразумного риска.

Распространение в 90-е гг. ситуаций, когда работникам приходится ради заработка пренебрегать безопасностью, в сочетании с падением дисциплины и ростом пьянства превратило вынужденные или безответственные действия самих работников в гораздо более частую причину несчастий на производстве, сравнительно с тем, что бывало в прошлом. Тот же активист угольного профсоюза из обследования 1997 г., чьи слова о том, что низкие заработки и невыплаты все отодвигают

на задний план, приводились раньше, говорит, объясняя более высокий уровень смертности на кузбасских шахтах: «часто ведь мужики сами виноваты. Пришли на работу, легли (т.е. уснули, возможно, после выпивки. — *Авт.*), попали под аварию. Мы часто их выгораживаем ради оставшейся без кормильца семьи. Не было случая, чтобы вину на них списали»¹⁸. А профсоюзный работник из Воркуты прямо признает, касаясь травматизма, что «в основном это происходит по вине самих людей». И подтверждает свои слова примером: «на шахте Заполярная человек упал, выпал с вагонетки. Стали смотреть — он пьяный»¹⁹.

Похоже, что дисциплина и социально-психологические меры, направленные на преодоление нравов лихачества и хотя бы частичное ограничение пьянства, приобретают для обеспечения повышения безопасности многих работ не меньшее значение, чем организация и техника охраны труда.